

ВАЛЕНТИНОВ-КУРАКОВ Н. М. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ВАЛЕНТИНОВ-КУРАКОВ Николай Максимович, родился в 1890-х, в рабочей семье. Получил среднее (?) образование, актер, с 1909 по 1913 — работал в рабочих театрах на Лысовенском, Надеждинском, Богословском, Чусовском, Солеваренском, Кушвенском заводах. С 1910 — женат на актрисе Сабине Станиславовне Хованской. В 1918 — проживал в Оренбурге, с приходом Красной армии работал комиссаром театров, при возвращении белых был арестован и предан военно-полевому суду, позднее был освобожден как беспартийный. Поселился в Самаре, активно работал над сохранением и сплочением "Союза работников сцены и эстрады". После возвращения Красной армии в Самару работал в железнодорожном театре; с 1922 — проживал в Ярославле, работал в местном театре. Летом 1927 — выехал с больной туберкулезом женой в Новороссийск для ее лечения. В октябре 1927 — арестован там по доносу, 26 октября приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Кызыл-Ординскую область Туркестана¹. В августе 1928 — обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой².

«11 августа 1928 г<ода>

Простите, уважаемая Екатерина Петровна³, что еще раз беспокою Вас моей просьбой, но Ваше отношение 1-го сего августа дало мне надежду на возможность приехать в другое место, где бы я работал по специальности. Из прилагаемого при сем заявления на имя ОГПУ Вы увидите чего я прошу, если возможно добиться перевода в один из приволжских городов, Самара, Симбирск, Сталинград, Астрахань, если же нельзя, то в Казахстане Уральск, Петропавловск, Казалинск или в Ташкент, но я не знаю, как просить разрешение работать по специальности, помогите мне, я совсем растерялся, голод, нищета дорогих мне людей, и я ничем не могу им помочь, о себе я умалчиваю; бедной жене не с чем выехать ко мне, все продано, заложено, скидку она никак не может получить. Единственная надежда на прилагаемое заявление; жду к<a>к утопающий помощи моим несчастным страдальцам, в возможном переводе в более лучшие условия жизни, где бы я мог заработать хоть минимум, чтобы мы не умерли с голода.

В ожидании спасительных вестей благодарный и уважающий
Ник<олай> Валентинов.

Туркестан, Ленинская, 12
Н. М. Валентинов-Кураков»⁴.

На письме — помета Е. П. Пешковой:

«Передать прилаг<аемое> заявл<ение>, указав на города, куда бы он хотел быть переведенным и которые забыл указать в заявлении в ОГПУ.
Е. П. 15/VIII».

В августе 1928 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью Сабина Станиславовна Хованская, жена Н. М. Валентинова-Куракова⁵.

<18 августа 1928>

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 225. С. 45-50; Д. 251. С. 57-59.

² Исправлены некоторые ошибки и поставлены знаки препинания.

³ Ошибка в отчестве Екатерины Павловны Пешковой.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 252. С. 42. Автограф.

⁵ Исправлены ошибки согласно современной орфографии.

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна.

Я, жена политического ссыльного, Николая Максимовича Валентинова-Куракова, убитая горем, больная туберкулезом, безработная артистка Сабина Станиславовна Хованская, осталась без единственного кормильца и опоры — моего мужа, который привез меня на Кавказ полечить, где был арестован, принужден был меня здесь одинокую покинуть, вследствие доноса, по которому и был заключен и сослан — средств на выезд я не имею, работы тоже не могу добиться, и мой муж сослан в такой край, где он, актер по профессии, ничего не смог до сих пор сделать, найти работы там нет возможности, ибо инородческое население, и потому русские спектакли не дают возможности не только мне выслать что-либо, но самому прокормиться, он хватается за всякую работу, но бессилён спасти жену и старуху мать от голода.

Умоляю Вас, окажите Ваше покровительство и помощь несчастному — невинно осужденному, честному гражданину РСФСР. Я писала на имя Михаила Ивановича Калинина два раза с подробной характеристикой жизни мужа, умоляя о помиловании и о пересмотре дела, и в крайнем случае о переводе его в другой город, где бы он мог работать и поддержать слабую здоровьем жену и старуху мать, оставшуюся без средств к жизни, но почему-то ни ответа, ни результата по поводу моего письма, я не имела.

Прошу Вашего ходатайства перед Михаилом Ивановичем Калининым, я прилагаю копии тех писем, которые мной были посланы на его имя, и прошу Вас, помогите их направить по тому адресу, где бы они были прочтены и рассмотрены, ибо я не знаю, быть может, я неправильно осмелилась побеспокоить Михаила Ивановича, ведь таких писем, вероятно, очень много ему шлют, и конечно, лично его просмотра, очевидно, они и не имели, чем я и объясняю то молчание, которое последовало в течение многих месяцев в ответ на мои мольбы.

Еще прилагаю заявление на имя ОГПУ, которое тоже прошу направить по назначению.

В ожидании ответа член Союза "Рабис",
артистка С. Хованская.

15/VIII - <19>28 года

Адрес: г<оруд> Новороссийск

Черном<орское> поб<ережье>, Союз "Рабис".

Мой муж: Н. М. Валентинов-Кураков, выслан в г<оруд> Туркестан
Сыр-Дарьинской обл<асти>»⁶.

К письму Сабины Станиславовны Хованской была приложена копия ее письма к М. И. Калинину.

«Вс<есоюзный> Цен<тральный> Исп<олнительный> КОМИТЕТ

ВСЕСОЮЗНОМУ СТАРОСТЕ Михаилу Ивановичу КАЛИНИНУ.

Артистки Сабины Станиславовны
ХОВАНСКОЙ-ВАЛЕНТИНОВОЙ
прожив<ающей> в г<ороде>
Новороссийске по Ворошиловской
улице, <дом> № 1.

ПРОСЬБА О ПОМИЛОВАНИИ

Во имя Великой 10-й Годовщины Октябрьской Революции, прошу

⁶ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 252. С. 45-46. Автограф.

милости и снисхождения к моему мужу Николаю Максимовичу КУРАКОВУ-ВАЛЕНТИНОВУ, с которым я состою в сожительстве 17 лет.

Находясь в тяжелом материальном положении и страдая острым малокровием на почве туберкулеза, и имея на своих плечах заботу о двух семьях: мой отец и мать, которым я всегда помогала, и 80-летняя старуха, мать моего мужа, которая тоже теперь осталась на моих руках, я же, больная туберкулезная, не в силах содержать две семьи и вынуждена обратиться с просьбой к Вам о помиловании моего мужа.

В настоящее время мой муж по распоряжению Новороссийского ОГПУ от 26-го октября 1927 года, административно выслан в распоряжение Кзыл-Ордынского ОГПУ сроком на 3 года по обвинению по 58 ст<атье> п<ункт> 18.

Все обвинение построено на случайной фразе моего мужа, каковую он произнес без всяких контрреволюционных целей, но котор<ую> лица, желающие его устранить со своего пути из-за своих корыстных целей, использовали и донесли в превратном виде.

Мне лично, прожившей с ним 17 лет и знающей все его взгляды на жизнь, кажется невероятным, что его обвинили в контрреволюции. Может ли быть контрреволюционером тот, кто всю свою жизнь посвятил рабочим. Нет.

В подтверждение своих слов я приведу краткую характеристику своего мужа. Будучи по профессии артистом, муж мой имел полную возможность работать вместе со мной у крупных антрепренеров и получать из этого материальную выгоду. Но любя рабочих, сам вышедши из народа, он отказывался от выгодных предложений и отдавал свой труд, свое искусство рабочим театрам, несмотря на то, что он терпел материальный ущерб, насмешки мещански настроенных его товарищей по профессии и мои личные укоры, т<ак> к<ак> я по молодости и неопытности стремилась работать в центральных городах.

Как пример его взаимоотношений с рабочими, приведу следующее: с 1909 г<ода> по 1913 г<од> он работал в рабочих районах — Лысовенском, Надеждинском, Богословском, Чусовском, Солеваренском, Кушвенском и др<угих> заводах. За работу на вышеуказанных заводах имел благодарственные адреса за бескорыстие и служение пролетариату.

Далее перейду к периоду 1918 г<ода>. В этот период мой муж находился в г<ороде> Оренбурге и при падении Дутовщины в момент вступления Красной гвардии принял активное участие в общественной работе и как активист, будучи беспартийным, занял пост комиссара театров и на последнем проработал вплоть до занятия Оренбурга белыми. В этот период он как комиссар был подвергнут аресту белыми и предан военно-полевому суду и освобожден лишь потому, что был беспартийным. По освобождении мой муж решил перебраться на территорию Сов<етской> власти. С этой целью он приехал в город Самару, намереваясь двинуться дальше, но вынужден был задержаться, т<ак> к<ак> Чехословацкая контрразведка взяла моего мужа под надзор, как сочувствующего большевикам, по вышеуказанной причине мой муж в Самаре нигде не мог устроиться на должность, но он времени не потерял даром и усиленно работал над сохранением и сплочением "Союза работников сцены и эстрады", каковой был накануне развала. По освобождении Самары и занятия ее Красными войсками, мой муж был приглашен в железнодорожный театр. Работая в последнем, он проявил свои организационные способности, проявляя максимум инициативы и энергии по укреплению рабочего театра, за что во время празднования своего юбилея 10-ти летия сценической деятельности был награжден премией, деньгами и благодарностью от Сам<арского> Уч<ебно> Проф<ессионального> Союза.

Все время, как я знаю своего мужа, он являлся одним из активных

работников по линии профессионального развития. В 1922 году в г<оросде> Ярославле в день пятилетия Великой Октябрьской Революции, был награжден званием "Героя труда", за свою активную работу.

Заканчивая на этом характеристику моего мужа, верю в то, что из всего вышеизложенного Вы вынесете определенное мнение о муже и уясните, что мой муж является не контрреволюционером, а наоборот активным проф<ессииональным> работником, стоящим на страже интересов СССР, и освободите его. Я твердо верю в справедливость Рабоче-Крестьянской власти и уверена, что, если в 1922 году Рабоче-Крестьянская Власть в дни своего 5-летия наградила его званием "Героя Труда", то в 1928 г<осду>, в десятилетие своей экономической мощи, помилует моего мужа, применив к нему амнистию в честь 10-й годовщины Великого Октября, и в крайнем случае хотя бы облегчит ему ссылку на свободную высылку с правом выбора места, т<о> е<сть> на высылку минус б, т<ак> к<ак> по своей профессии он артист и прикрепощен в таком краю, как г<оросд> Туркестан Сыр-Дарьинской обл<асти>, где нет театрального дела, живут больше инородцы, и он едва вырабатывает себе на пропитание, стирая чужое белье, а несчастная больная туберкулезом жена и 80-летняя старуха мать не только не можем приехать к нему, но и не имеем никаких средств к существованию, т<ак> к<ак> в данное время по слабости здоровья, я осталась безработная.

Я умоляю об облегчении участи, ибо неужели пролетарий, который ошибся и раскаялся в своей ошибке, должен благодаря ссылке также только страдать, теряя свою семью, которой грозит голодная смерть.

В ожидании милости и снисхождения:
член Профсоюза Работников Искусств
артистка С. Хованская

14/III — 1928 года
г<оросд> Новороссийск»⁷.

Очевидно, обращение заведующего юридическим отделом Помполита не помогло, и Николай Максимович Валентинов-Кураков остался в ссылке. С 1929 по 1932 — об облегчении его участи еще не раз обращались в Помполит»⁸.

---

⁷ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 252. С. 48. Машинопись.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1: Д. 366. С. 56-60, 63-65; Д. 388. С. 82-83; Д. 422. С. 38-40; Д. 427. С. 99-114; Д. 483. С. 189-190; Д. 593. С. 127-130; Д. 868. С. 140-142.